

Экономист-борец

Арвинд
Субраманьян
беседует
с экономистом
Полом Кругманом

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ наука принесла Полу Кругману славу. Благодаря своей комментаторской деятельности он стал знаменитостью, известной своей известностью. Однако Кругман стремится оставить о себе долгую память, и в этом смысле золотым стандартом является Джон Мэйнард Кейнс. Неизгладимый след Кейнса связан с тремя разными факторами: мощью его идей, искусством убеждать широкую аудиторию и ролью в определении характера исторических изменений. Последнее удается лишь тем, кто оказался в нужном месте в эпохальный момент. Но по двум первым аспектам (как минимум) Кругман вполне может стать первым человеком, который, не будучи литератором, удостоится как Нобелевской, так и Пулитцеровской премий, являющихся наивысшими наградами за достижения в науке и журналистике.

«Унылая наука» породила немало разносторонних экономистов. Другие гиганты XX века, такие как Джон Хикс, Кен Эрроу и Пол Самуэльсон, блистали сразу в нескольких областях. Однако в области международной экономики правилом является скорее специализация. Бертил Олин, Эли Хекшер, Джаджиш Бхагвати и Эланан Хэлпмен внесли основополагающий вклад в теорию международной торговли. В области международной макроэкономики немало тех, кто находится где-то между великим и очень хорошим, в том числе Роберт Манделл, Руди Дорнбуш, Майкл Мусса, Морис Обстфельд и Кеннет Рогофф.

Однако Кругман, подобно Джеймсу Миду, является одним из тех редких экономистов, достижения которых на высшем уровне охватывают обе эти более узкие области. Он первым начал исследования внешней торговли в условиях возрастающих доходов и несовершенной конкуренции, а позднее возобновил исследования экономической географии. Весьма влиятельной была и его работа в сфере валютных кризисов и обменных курсов. В 1991 году он был удостоен медали Джона Бейтса Кларка в знак признания его «значительного вклада в экономическую мысль и экономические знания». Сведущие люди знают, что удостоиться этой награды, которая присуждается раз в два года экономисту моложе 40 лет, несколько труднее, чем получить ежегодно присуждаемую Нобелевскую премию.

К тому же есть еще и Кругман-популяризатор. От избилующих формулами научных статей он перешел к распространению экономических идей среди широкого круга читателей (см. вставку 1). Его работы «*Age of Diminished Expectations*» («Эпоха убывающих ожиданий») и «*Peddling Prosperity*» («Лоточное процветание») заполнили пробел между аналитическими работами по экономике, написанными в скучном описательном жанре, и сенсационными и поверхностными книгами по экономике из разряда «аэропортного чтива». «Эпоха убывающих ожиданий», заказанная газетой «Вашингтон пост», превратилась не только в анализ развития американской экономики в послевоенный период, но и в поразительно доходчивый учебник по

Вставка 1

Дар слова

Джаджиш Бхагвати рассказывает историю о первой летней работе Кругмана в качестве его референта в МТИ. «Моя работа над статьей о международной миграции была в самом разгаре. Я дал Полу конспект своих идей, и когда он вернулся, у него уже была готовая статья, и я не смог бы поменять в ней даже запятой! Поэтому я поставил его в начало списка авторов статьи». Принстонский экономист Авинаш Диксит сказал, что если бы Кругман не был столь ценным ученым, «его следовало бы назначить на постоянную должность переводчика экономических журналов на английский».

Действительно, Кругман, пожалуй, не имеет себе равных среди экономистов по ясности и остроте своего литературного стиля. Комментируя новые доводы, приводимые администрацией Буша в пользу снижения налогов, он назвал их «одержимостью в поисках оправдания». Его рецептом для решения проблемы дефляции в Японии в начале 2000-х годов была решительная денежно-кредитная экспансия, и он призывал ультраортодоксальный Банк Японии «принять убедительное обязательство быть безответственными».

Известное замечание Кейнса «В долгосрочном плане все мы умрем» чаще цитируют, чем понимают. Вот как его объясняет Кругман: «Он имел в виду, что рецессии в конечном итоге могут изжить себя. Но это не более веская причина пренебрегать мерами политики, с помощью которых можно было бы быстро покончить с рецессией, чем то, что человек смертен, а потому должен отказаться жить».

Он поставил вопрос о правдоподобии теории реального экономического цикла: «Если рецессии — это рациональная реакция на временные шоки производительности, то не была ли Великая депрессия просто-напросто затянутыми добровольными каникулами?»

международной экономике. «Лоточное процветание» — прощательное и категоричное изложение истории экономической мысли. Обе эти книги также в иносказательной форме проиллюстрировали излюбленный тезис Кейнса о том, что использование идей и злоупотребление ими несут в себе наибольшую «опасность как для блага, так и для зла».

Кругман как общественный пропагандист снискал такой успех, что газета «Нью-Йорк Таймс» предложила ему вести колонку публицистики — наиболее престижное газетное пространство в официальной американской журналистике. Почти случайно он превратился из популяризатора заумной экономики в резкого политического комментатора. Один из его бывших учителей, Джагдиш Бхагвати, сообщил редакции «Ф&Р»: «Мы все были приятно удивлены тем, что Кругман смог сыграть роль Майка Мура в экономике». Еще один учитель — Нобелевский лауреат Роберт Солоу — назвал своего бывшего студента «универсальным проклятием администрации Буша». Для многих правых Кругман представляется надоедливым фанатиком, постоянно повторяющим одни и те же завывания. Однако для других он является сегодня культовой фигурой: блестящий и наделенный даром предвидения аналитик и, что более важно, смелый человек, взваливший на свои плечи тяжелую ношу после 11 сентября 2001 года, когда его собратья по журналистике стали уклоняться от своей обязанности сомневаться, проводить расследования и выражать несогласие с мнением других.

Влиятельные идеи

Кругман родился в 1953 году, вырос в пригороде Нью-Йорка, получил высшее образование в Йельском университете, а докторскую степень в Массачусетском технологическом институте (МТИ). Сначала он увлекся историей, но вскоре переключился на экономику, поскольку, по его собственным словам, история может ответить на вопросы «как» и «когда», тогда как экономика — на вопрос «почему».

Состоявшаяся в 1978 году беседа Кругмана с его учителем Руди Дорнбушем привела его к решению заняться исследованием принципа возрастающих доходов — суть которого состоит в том, что с ростом масштабов производства фирмы затраты на единицу продукции падают, — это и стало решающим моментом карьеры Кругмана. Момент истины настал несколько месяцев спустя, когда он, сидя в бостонском аэропорту «Логан», решил математическую задачу включения понятия возрастающих доходов в модели внешней торговли. Летом 1979 года он представил свои результаты в Летнем институте Национального бюро экономических исследований США. «Это были самые счастливые 90 минут моей жизни», — сказал он редакции «Ф&Р». Он знал, что произвел огромное впечатление на своих требовательных коллег.

Кругман считает, что самым большим его достижением является включение принципа возрастающих доходов и несовершенной конкуренции в теорию международной торговли. Идея возрастающих доходов была известна экономистам по крайней мере со времен Адама Смита, как было известно и то, что возрастающие доходы влияют на конкуренцию и международную торговлю: в частности, они несовместимы с допущением о совершенной

конкуренции, которое лежит в основе традиционной теории внешней торговли. Кругман был одним из первых экономистов, кто явным образом включил принцип возрастающих доходов и несовершенную конкуренцию в модели внешней торговли (он отмечает, что эти идеи были развиты одновременно, но независимо двумя другими исследователями — Виктором Норманом и Келвином Ланкастером). Это стало радикальным поворотом. настолько радикальным, что ведущие журналы отклонили одну из его ранних статей, однако Бхагвати, выступив в роли издателя — «бога из машины», опубликовал ее в *“Journal of International Economics”*, несмотря на заключение двух рецензентов, настроенных крайне отрицательно.

Статьи Кругмана о возрастающих доходах оказались влиятельными отчасти потому, что они объяснили простой, но неудобный факт международной торговли: в послевоенный период существенная и большая часть внешней торговли приходилась на торговлю не между богатыми и бедными странами, а между богатыми странами, причем в ней участвовали страны, импортировавшие и экспортировавшие сходные товары, например автомобили, машины и зерновые, — так называемый феномен двусторонней торговли. Такого рода торговлю между странами с аналогичной обеспеченностью ресурсами трудно согласовать с традиционной теорией внешней торговли. Однако возрастающие доходы показали, что страны могут специализироваться на произ-

водстве различных *разновидностей* товаров, в результате чего они будут одновременно экспортировать и импортировать разнообразные сходные товары.

Примененный первоначально в рамках позитивной экономики («что есть»), принцип возрастающих доходов был развит и использован Кругманом (а также Хэлпменом, Барбарой Спенсер, Джеймсом Брэндером и другими) в области нормативной политики («что должно быть») в виде стратегической теории торговли. Это привело к спорным выводам в отношении экономической политики, указывающим на пользу государственного вмешательства, что способствовало формированию мнения о несколько шизофреническом подходе Кругмана к проблеме свободной торговли (см. вставку 2).

На макроэкономическом фронте Кругман разработал «модель первого поколения», согласно которой причины валютных кризисов кроются в неустойчивости государственной политики. Позаимствовав как саму идею, так и математический метод из литературы о стабилизации цен на сырьевые товары, он показал, как и когда режим курсовой привязки может подвергнуться пагубной спекулятивной атаке со стороны инвесторов. Когда статья была впервые написана, профессор МТИ Руди Дорнбуш не смог полностью понять ее, как, очевидно, не смогли и другие, поскольку она была принята только в журнале меньшего калибра. Кругман винит

Вставка 2

Сторонник свободной торговли или протекционист?

Трудно спорить с мнением, что представления Кругмана о внешнеторговой политике являются противоречивыми. Его исследования стратегической теории торговли привели к новаторским и неоднозначным выводам для экономической политики, идущим вразрез с идеей свободной торговли, которую, как он теперь признает, он хотел изначально использовать в качестве иллюстрации к теории. В своей статье 1987 года “Is Free Trade Passé?” («Ушла ли в прошлое свободная торговля?») он заявил, что свободная торговля «безвозвратно утратила свою невинность» и что «ей никогда больше не быть политикой, на правоте которой всегда настаивает экономическая теория».

Но именно те люди, к которым он относился столь пренебрежительно — Роберт Райх, Лестер Туроу и Роберт Каттнер, — активно продвигали политику вмешательства, получившую обоснование в его работах, особенно по отношению к Японии в конце 1980-х годов, причем такими методами, которые он считал ошибочными. Вместо удовлетворения от того, что его работа определяет обсуждение политики, он испытывал возмущение тем, что его идеи были присвоены этими «предпринимателями от экономической политики» (которых он охарактеризовал как «интеллектуально бесчестных самозванных экспертов, которые говорят политикам то, что те хотят услышать»). Кругман немедленно сменил курс и вооружился всеми (очень убедительными) аргументами против своих прежних взглядов. В результате появилась книга “Pop Internationalism” («Популярный интернационализм») — дань Кругмана свободной торговле, мотивом к написанию которой в равной мере послужило как его желание «похоронить» предпринимателей от экономической политики, так и стремление отдать должное великой идее Давида Рикардо. Однако сегодня, даже если он отмежевывается от открыто протекционистских взглядов, в колонках Кругмана иногда проскальзывают протекционистские нотки, что огорчает его коллег-пуристов.

во всем качестве изложения и сожалеет, что не написал эту статью иначе. И все же со временем она была провозглашена новаторской. К заслугам Кругмана относятся и то, что он заложил основы модели валютных кризисов «третьего поколения», в рамках которой нехеджированные обязательства в иностранной валюте играют важную роль, являясь причиной и передаточным механизмом кризисов.

Исследование целевых диапазонов валютных курсов, проведенное Кругманом в конце 1980-х годов, было признано интересным и опубликовано в престижном “*Quarterly Journal of Economics*”. Однако вынесенный историей вердикт был менее благосклонным отчасти потому, что главный прогноз этого исследования о том, что обменные курсы стабилизируются при приближении к границам целевых диапазонов, не нашел эмпирического подтверждения.

Точно так же новаторское исследование Кругмана в области внешней торговли и географии, которое на ранних стадиях казалось многообещающим и по-прежнему служит стимулом к опубликованию новых научных статей (это наиболее часто цитируемая работа), не привело к широкой общественной дискуссии. Как и в предыдущих случаях, ключевая идея относительно экономического эффекта, обусловленного внешними факторами, — выгод, получаемых одной фирмой от деятельности другой фирмы, — была описана кембриджским экономистом и учителем Кейнса Альфредом Маршаллом. Однако Кругман нашел способ формализовать эту идею и вывел несколько интересных следствий, а именно, что пространственные структуры развития могут быть произвольными и что исторические случайности могут иметь длительные последствия. И Силиконовая долина (близ Сан-Франциско), и дорога № 128 (возле Бостона) — два технологических центра США — представляют собой классические примеры агломераций, происхождение которых весьма специфично.

Один из парадоксов деятельности Кругмана-экономиста, сказавшего: «Главное... — это не относиться к методу слишком серьезно», состоит в том, что его крупнейший вклад, вполне возможно, заключается в разработке метода или языка для тщательного и рационального обсуждения экономических идей и проблем. Этот вклад был огромен, поскольку он позволил влиять идеям, таким как принцип возрастающих доходов и экономический эффект, обусловленный внешними факторами, которые уже носились в воздухе, войти в основное течение экономической мысли. Также появилась возможность заменить метафоры моделями в качестве основы для анализа. Без моделей «нам остается только гадать, но те, кто подчиняет свои догадки моделям, получают более надежные выводы, чем те, кто опирается исключительно на свою интуицию, как бы хорошо она ни была у них развита». Кругмановский стиль построения математических моделей известен своей экономией и простотой, а порой даже упрощенностью допущений. Однако он так умело обращается с «бритвой Оккама» (принцип, согласно которому объяснения должны быть как можно более простыми), что понятие «кругманизм» может еще войти в экономический лексикон как стандарт для построения математических моделей.

Экономист как комментатор

После получения премии Джона Бейтса Кларка академическая деятельность Кругмана не пошла резко на убыль, в отличие от некоторых других экономистов. Но лихорадочный темп все же замедлился, по его собственному признанию: «Начинаешь сомневаться в ценности еще одной написанной статьи, даже если ее публикует хороший журнал. Также

начинаешь ставить под сомнение свою способность творить и выдвигать действительно важные, далеко идущие идеи». Учитывая к тому же, что его репутация пропагандиста росла все больше, академическая деятельность, возможно, естественным образом отошла на задний план.

В последние пять лет Кругман-журналист затмил Кругмана-экономиста. Стоила ли игра свеч? Кругман принял предложение «*Нью-Йорк Таймс*» в конце 1999 года, очень рассчитывая на то, что он сможет продолжить деятельность, склонность к которой он открыл в себе за годы публикаций на тему экономики, рассчитанных на широкую аудиторию. И действительно, его первые колонки были посвящены главным образом таким стандартным экономическим вопросам, как новая экономика, глобализация и бюджетный дефицит.

Но после 11 сентября 2001 года и, в особенности, после начала войны в Ираке Кругман пришел к выводу, что его сравнительное преимущество как экономиста уступило место его сравнительному преимуществу как политического комментатора. Он был готов смотреть на вещи по-иному, поскольку он не был инсайдером, зараженным групповым мышлением или «вирусом взаимного подражания» (по выражению индийского поэта Рабиндраната Тагора). Типичный инсайдер («комментатор») нуждается в «источниках» для получения информации, должен идти на компромиссы, а следовательно, менее склонен быть нарушителем спокойствия. Кругман, напротив, обладал тем сравнительным преимуществом, что был далек от официального Вашингтона и имел постоянную работу, которая давала ему независимость и возможность «не считаться с авторитетами», как объясняет он сам. Он также мог самостоятельно проверить «бюджетную арифметику». Поэтому для него обычная журналистская этика взвешенности и умеренности, которую он пренебрежительно называет журналистикой типа «он сказал — она сказала», представлялась не столько добродетелью, сколько интеллектуальным недостатком — нежеланием или неспособностью независимо анализировать информацию и приходиться к обдуманному выводу.

Кругман неоднократно имел успех на журналистском поприще: он опередил на несколько лет всех остальных, показав, что истинной причиной калифорнийского энергетического кризиса было манипулирование рынком со стороны инсайдеров; покусился на непогрешимый статус Алана Гринспена, когда тот стал восхвалять снижение налогов, предложенное администрацией Буша (одна из его колонок была озаглавлена «И ты, Алан?»); и наконец, показал недостатки мер экономической политики и аргументации того, что он называет «расплывчатой математикой» администрации Буша. Более серьезным успехом для него является чувство восстановленной справедливости, поскольку его взгляды, считавшиеся неуместными после 2001 года, приобрели широкое признание. Однако Кругман полагает, что, возможно, он заплатил слишком большую цену, когда в связи с его политическими работами под вопрос была поставлена его личная и профессиональная репутация. Прошли те дни, когда его главной заботой было «состояние подвального этажа его дома».

Реакция некоторых коллег-экономистов на деятельность Кругмана-журналиста нередко выражается во фразе: «Эх, когда Кругман был Кругманом», в которой ностальгия по его блеску сочетается с сомнениями относительно его теперешних полемических высказываний. Солоу называет решение Кругмана стать профессиональным журналистом «большой жертвой», так как убежден, что в его бывшем студенте «осталось еще так много хорошей экономики».

Вставка 3

На волосок от Белого дома

Судьбоносный момент в карьере Кругмана наступил после победы Билла Клинтона на президентских выборах в 1992 году. Кругмана прочили на пост председателя клинтоновского Совета экономических консультантов (СЭК). Вместо этого Клинтон остановил свой выбор на Лоре Тайсон, в то время занимавшей должность профессора Калифорнийского университета в Беркли. Кругман был крайне разочарован и считал это мстостью со стороны Роберта Райха, главы переходной команды Клинтона, которого Кругман раскритиковал в 1983 году, назвав его «предпринимателем от экономической политики».

Однако оглядываясь назад, Кругман испытывает облегчение от того, что все случилось так, как случилось. «Если бы выбор пал на меня, я вполне мог оказаться неэффективным работником, — говорит он. — В разработке экономической политики в первые годы администрации Клинтона доминировали не столько экономисты, сколько предприниматели от экономической политики. Кроме того, центром влияния стало бы казначейство, которое возглавил (несколькими годами позже) Ларри Саммерс (очень сильная личность), что ограничило бы роль СЭК». Он также считает, что его имя связывали бы с неудачами экономической политики Клинтона в начальный период его президентства (такими как несостоявшиеся попытки реформировать здравоохранение), и, возможно, он не продержался бы на этом посту до более поздних успехов, в частности, до спасения Мексики после произошедшего в 1994 году кризиса песо, которое он называет наивысшим достижением экономической команды Клинтона.

Испытывает ли Кругман-экономист какие-нибудь сожаления? Он сожалеет, что не занимался более основательно серьезной эмпирической работой. Он также сожалеет, что у него не появилось по-настоящему выдающихся последователей, как у его собственных учителей, в том числе Бхагвати, Дорнбуша, Солоу, Билла Нордхауса и Джеймса Тобина. По его словам, он честно работал в Принстонском университете, где обосновался после многих лет, проведенных в МТИ, неся полную преподавательскую нагрузку. Но он не сожалеет о том, что в 1992 году не согласился работать в Белом доме (см. вставку 3), и сомневается в том, что ему когда-нибудь захочется стать профессиональным washingtonским политиком. «У меня просто не тот темперамент, я не хочу ходить каждый день в костюме, и вообще я считаю, что приношу больше пользы, оставаясь в стороне».

Кругман, подобно Кейнсу, твердо верит, что идеи важны, и даже очень важны. Роль интеллектуалов в обществе заключается не столько в том, чтобы предлагать хорошие идеи, что невообразимо сложно, сколько в том, чтобы оберегать общество от плохих идей и не допускать их повторного появления. Плохих идей и их распространителей больше, чем хороших. И эта асимметрия усугубляется все больше, поскольку, как говорил Йейтс: «Лучшему не хватает убежденности, тогда как худшее исполнено страстной настойчивости». В лице Пола Кругмана мы имеем самое лучшее — ту убежденность и страстность, которая делает борьбу между хорошими и плохими идеями и между их оспариванием и принятием слегка менее неравной. ■

Арвинд Субраманиян — начальник отдела в Исследовательском департаменте МВФ.